

Борис ДУБИН

К вопросу о выборе пути: элиты, масса, институты в России и Восточной Европе 1990-х годов¹

Для стран Центральной Восточной Европы (ЦВЕ) 15-летие постсоветского существования фактически подытожено теперь актом вступления в Европейский Союз — политическим (как прежде — цивилизационным) утверждением себя в качестве части Европы². Для России, напротив, те же полтора десятка лет отмечены нарастанием символического отчуждения от Запада в ориентациях политических элит, риторике массмедиа, оценках населения³. И это при том, что уровень позитивного отношения к ЕС и возможному вступлению России в него среди российского населения, казалось бы, близок к соответствующим показателям в странах ЦВЕ, а в сравнении со многими из них даже выше.

Европа и Европейский Союз как ориентиры. Вот, например, сводные данные о результатах референдумов в странах ЦВЕ (фактическое голосование), а также социологических опросов российского и украинского населения (прожективный вопрос в исследованиях 2001 и 2003 гг.). "За" вступление соответственно высказались (в % от списочного числа избирателей в странах ЦВЕ взрослого населения России и Украины⁴):

Страна	%
Литва	57,63
Словения	54,03
Латвия	48,59
Словакия	48,22
Польша	45,58
Эстония	42,82
Чехия	42,69
Венгрия	38,21
Россия	54,00
Украина	63,00

В чем здесь дело и чем различаются эти сходные на вид показатели?

Проще всего, наверное, сказать, что за приведенными цифрами для стран ЦВЕ стоит реальный выбор их населения, конкурирующих элитных групп, политического руководства. Характерно, например, что при всех колебаниях в оценке перемен 1990-х годов, принесенных ими приобретений и потерь, 60% и более польского населения на протяжении последних десяти лет устойчиво считали, что коренным образом менять политическую и экономическую системы страны в 1989 г. все-таки стоило¹. Причем это выбор не только генеральной траектории социального и политического развития, достаточно ясной как для элит, так и для населения (принадлежность к Европе²), но и системы вполне конкретных институтов, социальных установлений, правовых процедур, отношение к которым — Европейскому Союзу, Европарламенту и выборам в него, Европейскому суду, Европейской конституции, единой европейской валюте, ценовой и налоговой политике и т.д. — живо и заинтересованно обсуждалось в соответствующих нацио-

¹ В основе статьи — сообщение на Международном экономическом форуме в Крынице (Польша, сентябрь 2004 г.); см. также соприкасающиеся по тематике статьи М.Красильниковой и Л.Гудкова в предыдущем номере "Вестника". Благодарю директора СВOS, профессора К.Загурского (Варшава) за любезное предоставление информации об исследованиях общественного мнения в Польше.

² О значении "Европы" для самоопределения элит данного региона см.: Дубин Б. Европа — "виртуальная" и "другая". Глобальное и локальное в самоидентификации восточноевропейских интеллектуалов после Второй мировой войны // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2002. № 4 (60). С. 49-59.

³ Подробнее см.: Дубин Б. Запад, граница, особый путь: Символика "другого" в политической мифологии современной России // Мониторинг общественного мнения... 2000. № 6 (50). С. 25-35; Он же. Запад для внутреннего употребления // Космополис. 2003. № 1 (3). С. 137-153.

⁴ Духович Е. На перетинке параллелей // Критика. 2004. № 4. С. 7 (данные опроса киевского Центра социального прогнозирования в 2003 г., N=1214 человек). Автор признателен А.Мокроусову (Киев) за возможность ознакомиться с этим материалом.

¹ Polish Public Opinion. 2004. N 6. P. 3.

² Бывший вице-премьер и министр финансов польского правительства Г.Колодко говорил о базовой для реформирующейся Польши 1990-х годов «предпосылке "европоцентризма"». См.: Колодко Г.В. Глобализация и перспективы развития постсоциалистических стран. Минск, 2002. С. 22. Комментируя приведенные на Крыницком форуме данные Левада-Центра, профессор К.Загурский в своем выступлении отметил, что вопрос о принадлежности к Европе и европейской культуре для польского общества 1990-х годов, в отличие от общества российского, не был дискуссионным.

нально-политических сообществах¹. В России же за ответами на соответствующий вопрос — общая неопределенность ориентиров и самоидентификации, достаточно отвлеченные мечтания о том, "как было бы хорошо, если..." (базовые сюжеты отечественной культурной истории, мастерски отыгранные еще Н.Гоголем в "Женитьбе", "Мертвых душах" и др.).

Характерны в этом смысле сравнительные данные массовых опросов в России и Польше о будущем этих стран и предпочтительных ориентирах их движения². В 2001 г. будущее своей страны, ее положение на европейском континенте с вступлением в Европейский Союз связывала почти половина опрошенных в Польше (46% из 1015 человек), с ролью Польши как посредника в торговле между Западом и Востоком — еще 24%. Иначе складывались предпочтения россиян. С вступлением в ЕС будущее России в том же 2001 г. связывали лишь 30% из 1600 опрошенных; значительная же доля остальных видела роль России так или иначе в противостоянии Европе — будь то как гипотетического центра, объединяющего славянские страны (16%), либо в роли некоего нового СССР, сплачивающего прежние союзные республики (13%), или же на правах участницы в коалиции стран Азии — Китая, исламских государств (7%). Отмечу, что все эти перспективы на будущее, тем не менее, почерпнуты из политического опыта и идеологических построений прошлого — близкого ли, более ли далекого (СССР, России XIX в.), либо выглядят мифологическими и утопическими конструкциями, опять-таки относящимися к совсем уж давним временам, условно-декоративной древности (Евразия, "туранское наследие").

При этом свыше половины россиян не осознают себя европейцами, людьми, принадлежащими к европейской культуре (табл. 1).

Но еще больше среди российского населения тех, кто вообще не знает о существовании ЕС. Приведем распределение ответов на вопрос: **"Какое впечатление в целом производит на Вас деятельность Европейского Союза?"** (в % от числа опрошенных, 2000 г., N=2000 человек):

Вариант ответа	%
Положительное	30
Отрицательное	11
Ничего не знаю об этой деятельности	59

¹ См., например, материалы недавних польских опросов по этим проблемам: Polish Public Opinion. 2004. N 3. P. 3-4; N 7. P. 2-3, а также данные по Чехии, Словакии и Венгрии см.: <http://www.ceorg-europe.org/research/2004_05.pdf>.

² Седов Л. Россия: Взгляд из Польши и обратно // Мониторинг общественного мнения... 2002. № 1. С. 20-24.

Не представляя реальной работы ЕС как политического сообщества, россияне как будто бы вполне положительно относятся к этой неопределенной символической метке, в обобщенном, хоть и смутном виде воплощающей для них "что-то хорошее" (табл. 2).

Поэтому и к перспективе гипотетического вступления России в ЕС преобладающая часть россиян (54-56% в 2001 г., N=1600 человек) относятся с одобрением, доля противников такого воображаемого шага составляет лишь 22-24%. Однако поскольку представления о ЕС у россиян в высшей степени туманны, то пользу от вступления в него наши респонденты оценить опять-таки затрудняются, об этом свидетельствуют ответы на вопрос: **"Какую выгоду получила бы Россия от вступления в ЕС?"** (в % от числа опрошенных, 2003 г., N=2100 человек):

Вариант ответа	%
Очень большую + довольно большую	10
Небольшую	15
Совсем маленькую	6
Не получила бы никакой выгоды	8
Затруднились ответить + нет ответа	61

При более конкретизированном вопросе: **"Что означало бы вступление в ЕС лично для Вас?"** (в % от числа опрошенных, 2002 г., N=1600 человек, респондент мог выбрать несколько вариантов ответов), среди ответов россиян преобладают положи-

Таблица 1
ЧУВСТВУЕТЕ ЛИ ВЫ СЕБЯ ЕВРОПЕЙЦЕМ?
(в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1995 г.	1996 г.	2003 г.
Часто	10	12	12
Иногда	13	16	14
Редко	18	18	18
Никогда	56	52	55
Нет ответа	3	2	1
Число опрошенных	2000	1600	1600

Таблица 2
КАК ВЫ В ЦЕЛОМ ОТНОСИТЕСЬ СЕЙЧАС К ЕВРОПЕЙСКОМУ СОЮЗУ?
(в % от числа опрошенных, N=1600 человек)

Вариант ответа	2003 г.	2004 г.
Хорошо	72	77
Плохо	11	12
Затруднились ответить	17	11

тельные (они в сумме выбираются вдвое-втрое чаще, нежели отрицательные):

Вариант ответа	%
Возможность для молодежи иметь лучшее будущее	30
Новые рабочие места	18
Возможность получить работу в странах ЕС	18
Достойные доходы	17
Утрата национальной независимости	15
Возможность получить образование в странах ЕС	15
Возможность защитить гражданские права	11
Закрытие предприятий, сокращение рабочих мест	9
Утрата культурного своеобразия	8
Рост преступности	6
Европейское правительство	6
Больше нервного напряжения, стрессов	4
Усиление бюрократии	4
Затрудняюсь ответить	23
Суммарное отношение позитивных ответов к негативным — 175:46.	

Позитивные значения, которые выступают первым планом коллективных оценок, демонстрируемых интервьюеру, а в его лице — интеллигентным, культурным людям и некоему мысленному Западу, связываются здесь преимущественно с мифологизированным образом отдаленной Европы как чего-то хорошего, "блага во всех отношениях", которое есть у "других", — по формуле "у них есть все" (или, словами чеховского героя, "в Греции все есть"). Этот образ составляет устойчивую часть "большой", длинной идеологической традиции российского образованного сословия, русской литературы и общепринятой версии национальной культуры в целом. Отрицательные же значения соотносятся с представлениями об угрожающей социальной дезорганизации и утрате культурной определенности, устойчивости, идентичности — они составляют второй, полускрытый план негативного отношения и обобщенных оценок. Это образ "нас", но представленный в негативном залоге утраты, разрушения, опасности или ее риска.

Вместе с тем показательно, что среди россиян редко обсуждается другая сторона проблемы: а что может дать объединенной Европе Россия, чем она может быть для нее интересна, важна, полезна? Видимо, вопрос о социальной и культурной состоятельности, о реальном значении для вполне конкретных "других", которым необходимо эту состоятельность предъявить и доказать на деле, представляет для россиян серьезную трудность, ощущается как болезненный или даже унижительный. Напротив, этот аспект, как показывают данные социологических опро-

сов, весьма интересуют сегодня население восточноевропейских стран¹. По общему мнению, наиболее значительный "вклад" этих стран в Европейское сообщество — дешевая рабочая сила (так считают 55% опрошенных в Венгрии и Польше, 50 — в Чехии, 46% — в Словакии). Кроме того, чешские респонденты особенно выделяют привлекательность своей страны для международного туризма (44%), открытость ее рынка для европейских товаров (31), высокий уровень образованности чешского населения (29), культуру и искусство страны (25); венгры — отечественную культуру и искусство (36), достижения науки и техники (28); поляки — польские традиции, религиозные и моральные ценности (33), качественные сельскохозяйственные продукты (30%). Так или иначе население стран Европы, насколько можно судить, занимают теперь уже вполне рабочие вопросы о своем реальном месте в производстве, политической жизни, науке, культуре, информационном пространстве Европейского сообщества.

Символическое отчуждение как основа самоидентификации. Для России же 1990-е годы приходится описывать как период все большей значимости отгораживающих рамок воображаемой коллективной идентичности, символов коллективного "мы", непохожих на всех "других". Эта значимость становилась более выраженной и даже все явственней педалировалась сверху по мере того, как ширился разрыв между властью и слоями ее возможной поддержки в стране, нарастала институциональная неопределенность², а соответственно и по мере сокращения реального социокультурного разнообразия в публичной сфере, сужения возможностей индивидуальной и групповой инициативы при значительной слабости процессов группообразования внутри России и реальных, практических взаимосвязей страны с Европой и миром.

Поскольку символы российской идентичности — "судьба", "путь" и сомасштабные им — относятся к предельному уровню, к наиболее общим и высоким, они, вероятно, вообще могут быть выражены лишь в негативном виде самых отвлеченных и пустых, мифологизированных противопоставлений "нас" и "других" ("мы—они"). Так, риторика высших эшелонов российской власти, обслуживающие ее PR-структуры и массмедиа, все большие

¹ См.: Polish Public Opinion. 2004. N 6. P. 1-2, а также: <http://www.ceorg-europe.org/research/2004_04.pdf>.

² Г.Колодко говорит об "институциональном вакууме", отсутствии программ и координирования в процессах хозяйственных реформ, которые даже при значительно большей либерализации, авральном расширении частного сектора в России и Албании, чем, скажем, в Словении или Польше, не дали должного экономического и социального эффекта. См.: Колодко Г.В. Указ. соч. С. 67.

группы населения России как бы вернулись к конструкции коллективного самоопределения по принципу непринадлежности (алиби), невключенности, самоустранения, привычному для коллективного сознания "советского человека" и доведенному до крайних, уже цинических форм повседневного раздвоения в брежневский период позднего социализма¹.

Единственным востребованным ресурсом при этом оказалась мифология "особости" — символика предельно широкого и не дифференцированного, воображаемого, но никогда не данного в реальности целого. Целого, закрытого от других и недоступного ничьему "постороннему" пониманию или изложению, поскольку его функция — быть демонстрацией раздела, границы (это стена, а не дорога). Отсюда упор на мифологизированную "промежуточную", "двойственную", евразийскую природу российского государства и вместе с тем символическая, чисто демонстративная ориентация на ближайших политических соседей, вчерашние республики СССР, отметим, впрочем, ее неустойчивость в массовом сознании, как и ослабление коллективных ориентации по всем остальным векторам, связей с любым "обобщенным другим" (табл. 3).

Как Вы думаете, Россия в XXI в. войдет в объединенную Европу или будет существовать независимо от нее? (в % от числа опрошенных, 2000 г., N=1600 человек):

Вариант ответа	%
Войдет в объединенную Европу	31
Будет существовать независимо	43
Затруднились ответить	26

С какими из высказываний Вы согласны в большей степени? (в % от числа опрошенных, 2003 г., N=1600 человек):

Вариант ответа	%
Россия — часть Запада, она должна стремиться к сближению со странами Европы и США	12
Россия — евразийское государство, у нее свой путь развития	76
Россия — восточная страна, она должна ориентироваться на сотрудничество со странами Азии	6
Затруднились ответить	6

Будущее России связано в большей степени... (в % от числа опрошенных, 2004 г., N=1600 человек):

Вариант ответа	%
Со странами СНГ	56
Со странами Западной Европы	28
Затруднились ответить	16

¹ 0 ностальгической переоценке брежневской эпохи в России на протяжении 1990-х годов см.; Дубин Б. Лицо эпохи. Брежневский период в столкновении различных оценок // Мониторинг общественного мнения... 2003. №3 (65). С. 25-32.

Таблица 3
ПАРТНЕРСТВО РОССИИ С КАКИМИ ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННЫХ СТРАН В НАИБОЛЬШЕЙ СТЕПЕНИ СООТВЕТСТВУЕТ ИНТЕРЕСАМ ТАКИХ ЛЮДЕЙ, КАК ВЫ?
(в % от числа опрошенных, N=1600 человек)

Вариант ответа	2001 г.	2002 г.
США	41	39
Страны Западной Европы	64	48
Страны Восточной Европы	18	15
Страны Балтии	10	9
Коммунистические страны (Куба, Северная Корея)	7	6
Мусульманские страны	6	4
Израиль	5	2
Индия	10	8
Китай	22	20
Япония	32	27
Быстро развивающиеся азиатские страны (Южная Корея, Тайвань и др.)	8	6
Белоруссия	46	36
Украина	40	30
Другие бывшие республики СССР	25	29
Другие страны	2	2
Нет таких	3	2
Нет ответа	2	0
Затруднились ответить	*	12

* Позиция не включалась в анкету.

Причем в еще большей, предельной степени это подчеркивание особости России характерно для политической и журналистской элиты страны¹.

Как Вы относитесь к высказыванию: Россия как великая держава занимает особое место в мире, она должна в равной мере ориентироваться на Европу и на Азию? (в % от числа опрошенных, 2000 г., журналистская элита, N=252 человека):

Вариант ответа	%
Согласен	86
Не согласен	12
Затруднились ответить	2

Позитивные фигуры самостоятельных, но не чуждых "других" — партнеров, соседей, "спутников" на исторических маршрутах — последова-

¹ Проблема соотношения мнений элиты и массы в данном аспекте специально исследовалась в серии работ Е. Левинтовой, выступавшей по данной проблематике и на форуме в Крынице. См. ее статьи: Мониторинг общественного мнения... 2002. № 2. С. 16–26; № 5. С. 18–33; и особенно — 2003. № 4. С. 14–38, а также: *Levintova E.M. Official Discourse and Public Opinion in Post-Communist Societies: The Role of Government-Affiliated Intellectuals. A Dissertation... of Doctor of Philosophy. Kalamazoo (Mich.), 2004.*

Таблица 4

ПОЛЬША, ЧЕХИЯ И ВЕНГРИЯ В БЛИЖАЙШЕМ БУДУЩЕМ СТАНУТ ЧЛЕНАМИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА. КАК ВЫ ЛИЧНО ОТНОСИТЕСЬ К ЭТОМУ СОБЫТИЮ? (в % от числа опрошенных, N=2400 человек)

Вариант ответа	1998 г.	1999 г.
Поддерживаю вступление этих стран в ЕС	26	23
Не поддерживаю вступление этих стран в ЕС	8	17
Затрудняюсь ответить	66	60

Таблица 5

КАК РОССИИ СЛЕДОВАЛО БЫ СТРОИТЬ СВОИ ОТНОШЕНИЯ С ЕС ПОСЛЕ ВСТУПЛЕНИЯ ТУДА ПОЛЬШИ, ВЕНГРИИ, ЧЕХИИ? (в % от числа опрошенных, N=2400 человек)

Вариант ответа	1998 г.	2000 г.	2001 г.
Россия должна идти своим путем	21	33	30
России следует тоже вступить в ЕС	16	15	15
Россия должна, не вступая в ЕС, активно сотрудничать с ним	13	18	18
Затруднились ответить	50	34	37

тельно вытесняются не только из нынешней картины мира и представлений российской элиты и массы о будущем, но даже из коллективных образов прошлого. Так, исследователи "исторического сознания" современной России на материалах анализа постсоветских учебников по истории отмечают заметную потерю интереса в этих пособиях к странам Центральной Восточной Европы, а еще в большей степени — к государствам Балтии после событий 1989–1991 гг. и обретения независимости от СССР. В советский период обращение к истории этих стран как в политической риторике власти, так и в трудах официальных историков мотивировалось исключительно процессами становления российской государственности и имперской внешней политики России. Представление же об этих странах и регионах как самостоятельных социальных, политических, цивилизационных образованиях в историческом сознании как российской массы, так и элиты на протяжении последних 15 лет не сложилось¹. Не говорю уже о признании — в той или иной форме — вины России по отношению к этим странам как пережившим оккупацию, подчинение, депортации, массовое уничтожение: в нарциссическую риторику "особого пути", ставшую за последние годы уже привычной для россиянина, этот пункт, конечно, никоим образом не вписывается.

¹ См.: Россия и страны Балтии, Центральной и Восточной Европы, Южного Кавказа, Центральной Азии: Старые и новые образы в современных учебниках истории / Под ред. Ф.Бомсдорфа, Г.Бордюгова. М., 2003. С. 94–135, 177–219. См. также: Кобринская И. Россия и Центральная Восточная Европа после "холодной войны". М., 1997. С. 94–152.

Подобная общая переориентация делает отношение массы россиян к вступлению в ЕС группы стран Центральной Восточной Европы и Балтии неопределенным: среди них явно преобладают затруднившиеся с ответом на такого рода вопросы социологов (табл. 4 и 5).

В отсутствие "другого": "мы" как другие все. Таким образом, за 15 лет российское общественное мнение признало инертность социального целого России как своего рода национальную особенность, некую специфическую "традицию". Все чаще в объяснение ситуации россияне выбирают формулировки типа "мы — огромная страна", "социализм имеет у нас в стране глубокие корни", "социализм в России существовал долго, несколько поколений", "наши люди за годы советской власти стали другими, и этого уже не изменить". Такого рода значения и смысловые образования составляют ближайший ресурс коллективного сознания, характеризуют ближайший радиус ориентации и действий (подобное признание можно назвать новой, своего рода "малой традицией").

Вместе с тем все чаще в ход идут символы "большой традиции" — идеологем особого пути России. Если освободить эти значения от их идеологических подпорок, то за ними нетрудно увидеть неписанный, но давний пакт между массой и властью. Назову его пактом о взаимной безответственности. При этом масса, самоустраиваясь, как бы перекладывает ответственность на власть ("мы не имеем к этому отношения", "это не наше дело"). Власть же утверждает, что иначе как командно-репрессивными средствами с массой ("с нашими людьми") управиться нельзя,

и требует, чтобы Запад этот пакт тоже признал ("дайте нам управлять этой страной так, как мы привыкли и как считаем нужным"). Перед нами идея трехстороннего договора о невмешательстве в дела друг друга, но его конструкция выстроена так, что одна сторона фактически разрывает отношения с "другими", однако при этом ждет или даже требует, чтобы партнеры по коммуникации данный разрыв взаимности фактически признали, а в случае Запада и санкционировали. Тот же, кто не признает "право" российской власти, представляющей в этом плане Россию как целое, на подобный односторонний разрыв с партнерами, вызывает раздражение: в подобном непризнании усматривается повод для еще большего отчуждения от Запада ("не уважают!"), так же, как отказ власти от ответственности перед населением служит основанием для дальнейшего устроения масс. Таков дальний ресурс коллективного сознания сегодняшних россиян, дальний радиус ориентации и действий (как уже говорилось, своего рода "большая традиция"). Добавлю, что и те и другие значения, символы "большой" и "малой" традиций, сегодня уже не носят активный характер реальных стимулов индивидуального и коллективного действия, — они имеют функцию воображаемой компенсации и защиты.

По составу значений два этих плана как будто бы не стыкуются, друг другу противоречат, но уживаются, поскольку оба они характеризуют не реальное, практическое действие и вообще относятся не ко "мне", не к "нам", а к "другому". Такова на нынешний день базовая форма и формула социальности в России — как своего рода неполного присутствия, отсутствия отношения к происходящему, социальной деменции. Эту формулу можно раскрыть так: "мы" другие, потому что все вокруг нам другое (чужое), причем это другое ("другой") не является предметом интереса и выбора, так что отношение к нему не продумано и не фокусировано, подвержено постоянным колебаниям — от равнодушно-снисходительного через настороженное до неприятия (презрения, раздражения, агрессии).

Фактически представления об особости России являются остаточной проекцией (резидуумом) обстоятельств жизни и самоопределения в закрытом обществе. Для массы они выступают ресурсом пассивного ускользания от гиперконтроля со стороны власти. Для власти же — обосновывают ее неподконтрольность никакой внешней, "третьей" инстанции. Иными словами, мифология особости устраивает всех, поскольку обосновывает и как бы узаконивает привычный статус-кво. Риторика исключительности и исключенности

из общего порядка установлений, законов, норм оформляет разрыв между властью (номенклатурой) и массой, Россией и Западом. Тем самым она фиксирует, поддерживает и воспроизводит слабость, зачаточное состояние или прямое отсутствие в России современного (модерного) общества, его самостоятельных, дифференцированных институтов.

Центральной, вяло продуманной и слабо реализованной, а потому актуальной по сей день проблемой постсоветской России остается проблема институциональной организации — строительства и автономии институтов, реальных субъектов социального действия. Как помним, в многообразных процессах европейской модернизации и формирования современных обществ институционализировались, наделялись особым статусом "локомотивов" социального развития прежде всего формы конкурентной инициативы и позитивной кооперации (индивидуализма и социальности, как ни парадоксально это соединение для российского ума). Таковы рынок в экономике, партии в политике, состязательность в суде, институциональное доверие, многообразные культурные группы и средства межгрупповой коммуникации (независимые журналы), конкурирующие формы образования, сомнение и дискуссия в науке и т.п.

Привычная же для российского сознания логика пассивного ускользания от определенности (от позитивного самоопределения, выбора, действия, ответственности), мысленная "фигура невключенности", исключения, исключительности не работает в ответах на позитивные вопросы о реальном выборе и действии, возможностях изменения и собственном участии в этом изменении. В этом смысле приходится характеризовать нынешнюю социальную, политическую, культурную ситуацию в России как остаточную и редуцированную, ситуацию постскриптума, или, еще короче, ситуацию "пост".

Символическая изоляция и симулятивный авторитаризм. Базовые институты в России по-прежнему авторитарно-репрессивные, неконкурентные, иерархические¹. В этом смысле они задают и воспроизводят принципиальное деление социума по властной вертикали, разрыв между властью и массой. Определяющими для них выступают значения позиционной идентификации, исполнительства либо ускользания от

¹ См.: Дубин Б. Модельные институты и символический порядок: Элементарные формы социальности в современном российском обществе // Мониторинг общественного мнения... 2002. №1 (57). С. 14-19.

него на одном, "нижнем" конце позиционной шкалы и обиженно-агрессивного утверждения своего доминантного статуса — на другом. В любом случае речь не идет о самостоятельном, конструктивном действии и взаимодействии, об активном изменении. При всей риторике концентрации власти в последние годы на деле происходит ее неконтролируемая парцелляция, рассеяние. Поскольку же не развивается ее функциональная дифференциация, то неуклонно снижается и эффективность, а это заставляет верхи предпринимать еще большие усилия по сосредоточению в своих руках всех возможных властных полномочий и т.д. Процесс распада, дробления, рассеяния власти выражается среди прочего в том, что ее исходная, но ослабленная теперь, остаточная конструкция как бы проседает, "сползает", образуя или оформляя структуры подобного типа на более низких уровнях социума, характерным образом связывая (повязывая) их между собой и только так удерживая рассыпающееся целое нынешнего социально-политического режима. Так складывается, например, деятельность нынешних российских органов охраны правопорядка¹.

В данном направлении трансформируются и "новые" институты постсоветской России: парламент, партии, массмедиа; общественное мнение. Их институциональный костяк — архаические по форме и функции установления, деятельности и влияние которых по-прежнему определяется конкретными персонами в сочетании с предоставленными им постами (это, как уже говорилось, не функциональные элиты, а ведомственная номенклатура). Они же далее даруют социальную жизнь, возможности и пр. подведомственным им коллективам и подначальным единицам. Представления о "порядке" поэтому ограничиваются для россиян иерархическими формами неотрадиционалистского авторитета.

Важно, что иных оснований организации социальной жизни, кроме централизованно-властных, в сегодняшней России не возникает. Предпринятые же прежде, в конце 1980-х и на рубеже 1980–1990-х годов, попытки их обозначить и создать, вместе со следами и последствиями упраздняются как в центре, так и "на местах" под предлогом чрезвычайных обстоятельств — "международного терроризма", "необъявленной войны России" и пр. Это относится к экономи-

ческой сфере, области частного предпринимательства, особенно крупного (борьба власти с так называемыми "олигархами"¹), но в полной мере распространяется на публичное поле (фактическое устранение сколько-нибудь оппозиционных партий и движений, монополизация массмедиа и прежде всего — электронных²), на формы действия негосударственных и неправительственных организаций (недавние публичные реплики президента и членов его команды относительно деятельности зарубежных фондов и распределения их грантов в России, о "пятой колонне" и пр.). Между тем, анализируя опыт реформ 1990-х годов в постсоциалистических странах, авторитетный эксперт подчеркивает, что даже значительное дерегулирование экономики и расширение частного сектора само по себе, без институциональной инфраструктуры, которую обеспечивают неправительственные и некоммерческие организации, не приносит серьезных социальных результатов в масштабах общества, поскольку "определенные области общественной жизни не могут опираться ни на государство, ни на частный сектор"³.

Устранение представлений о состязательности и партнерстве в политике и социальной жизни вообще, исчезновение за вторую половину 1990-х годов даже риторических фигур "значимых других", кроме неопределенных "врагов", с экранов телевизора, из программ его двух основных для населения каналов, имело своим прямым следствием нарастание упований как массы, так и элиты на "твердую руку", "настоящего вождя" и пр. Соответственно укреплялись изоляционистские настроения, мифология "особого пути"⁴. И это понятно. Неспособность выстроить и даже помыслить развитые формы позитивной социальной и солидарности по горизонтали заставляет и массу, и публичных интеллектуалов, и власть возвращаться к привычным по давнему и недавнему прошлому надеждам на единственно понятную и единственно "правильную" разновидность социального взаимодействия как властного доминирования — приказ и исполнение по вертикали. "Единственный" в данном случае обозначает то, что, по мнению условных "всех", только такие неотрадиционалистские формы социально-политической жизни, однонаправленной связи "верхов" и "низов", центра и периферии обеспечивают

¹ Подробнее см.: Гудков Л., Дубин Б., Леонова А. Милицейское насилие и проблема "полицейского государства" // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 4 (72). С. 31–47.

¹ См.: Гудков Л. О легитимности социального порядка в России // Вестник общественного мнения... 2004. № 2 (70). С. 18–42.

² См.: Обермайер Г. Паралич российских медиа // Отечественные записки. 2003. № 6. С. 285–301.

³ Колодкин Г. Указ. соч. С. 155.

⁴ См.: Кобринская И. Указ. соч. С. 153–164.

Таблица 6

В КАКОЙ МЕРЕ ЗАСЛУЖИВАЮТ ДОВЕРИЯ СЕГОДНЯШНИЕ ПЕЧАТЬ, РАДИО, ТЕЛЕВИДЕНИЕ?

(в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1989 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.
Вполне заслуживают	38	26	27	23	24	24	25	26	30	23	22	26
Не вполне заслуживают	40	48	38	47	47	44	44	44	47	44	46	45
Совсем не заслуживают	6	10	17	17	17	18	19	18	17	21	22	18
Затруднились ответить	16	16	18	12	12	14	12	12	6	12	10	11
Число опрошенных	925	1800	2000	2550	2400	2400	2400	2400	1600	2100	2100	2100

Таблица 7

ОДНИ СЧИТАЮТ, ЧТО ВЛАСТИ В РОССИИ СЕЙЧАС ВЕДУТ НАСТУПЛЕНИЕ НА СВОБОДУ СЛОВА, УЩЕМЛЯЮТ СМИ, ДРУГИЕ - ЧТО ВЛАСТИ СЕЙЧАС НИКОЛЬКО НЕ УГРОЖАЮТ СВОБОДЕ СЛОВА И НИКАК НЕ УЩЕМЛЯЮТ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕЗАВИСИМЫХ СМИ. КАКАЯ ИЗ ЭТИХ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ ВАМ БЛИЖЕ?

(в % от числа опрошенных, N=1600 человек)

Вариант ответа	2000 г.	2001 г.	2003 г.
Власти России ведут наступление на свободу слова и ущемляют независимые СМИ	30	39	28
Власти России нисколько не угрожают свободе слова и не ущемляют деятельность независимых СМИ	46	44	53
Затруднились ответить	24	17	19

воображаемое единство коллективного "мы", России как целого.

В этом плане характерна эволюция массмедиа и проблемы "свободы слова" за 1990-е годы¹. Подчеркну, что это момент для темы статьи отнюдь не второстепенный, а напротив, один из самых существенных. В конце концов, "общество" ведь и означает общность, достигаемую и поддерживаемую посредством общения, так что именно открытость и содержательность, разнообразие и плотность коммуникаций, заинтересованность граждан в активном наращивании подобного совокупного богатства — ведущие характеристики любого современного социума.

При недовольстве всеми ветвями и уровнями государственной власти, кроме символической фигуры президента, все большая часть населения во второй половине 1990-х годов стала, тем не менее, выражать желание устроить контроль государства за медиа. При отсутствии в России сколько-нибудь авторитетной и устойчивой традиции гражданских прав и свобод, включая долговременную работу по их утверждению и защите правовыми, гражданскими же средствами, в формах гражданской солидарности, доля людей, заинтересованных в независимости СМИ, начала уменьшаться. Но еще более впечатляющими темпами стало расти среди населения число противников независимости медиа (за счет резкого сокращения тех, кто прежде затруднялся с ответом — не

Таблица 8

УСИЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ЗА СМИ ПОШЛО БЫ СЕЙЧАС В ЦЕЛОМ...

(в % от числа опрошенных, N=1600 человек)

Вариант ответа	2000 г.	2003 г.
На пользу стране	38	36
Во вред стране	27	24
Не принесло бы ни пользы, ни вреда	25	24
Затруднились ответить	10	15

был достаточно уверен в норме поведения, не знал, "как правильно"). Точно так же при растущем массовом недоверии к массмедиа преобладающая часть россиян (свыше 40%) считают наиболее интересными из них именно сегодняшние (табл. 6). Озабочены нынешним сокращением гласности и предвидят в будущем ущемление свободы слова лишь около 25% сегодняшних россиян (табл. 7 и 8).

Когда газеты, радио, телевидение в нашей стране были более интересными, больше привлекали внимание людей? (в % от числа опрошенных, 2003 г., N=2000 человек):

Вариант ответа	%
В советское время (до 1985 г.)	28
В годы "перестройки" (1987–1991гг.)	11
В последние годы	42
Никогда не были особенно интересными	9
Затруднились ответить	10

Тем самым привычное массовое брюзжание по адресу властей, как видим, нисколько не исключает оправдания власти в целом. Больше того, оно подразумевает бессильное или циничное оправ-

¹ Подробнее см. в статье: Дубин Б.В. Дары свободы // Индекс. Досье на цензуру. 2004. № 24. С. 24-28.

дание всей сложившейся ситуации в ее расстановке сил и основных векторах действий ("пускай остается, как есть, только бы не хуже"). Отстраняясь от реальности и заклиная ее петушиным словом "стабильность", россияне как бы отгоняют от себя факт, что в основе симулируемой телеэкранами стабилизации — уже привычная для них чрезвычайность и нарастающий изоляционизм.

Интеллектуалы и власть. Описанная траектория перемен в общественном мнении связана с ориентациями и тактиками поведения российской власти и окол властных элит, интеллектуальных групп. Подробнее эта тема рассматривалась в указанных работах Е.Левинтовой на примере России и Польши, я лишь подчеркну здесь те ее стороны, которые считаю наиболее социологически значимыми.

Для польских интеллектуалов выбор в пользу демократического и этнически толерантного государства с либеральной идеологией, свободно-рыночной экономикой и прозападной внешней политикой был сделан с самого начала и в качестве идеального ориентира значим по сей день. При этом как политико-идеологические, так и экономические предпочтения польской интеллектуальной элиты, во-первых, *активно формируются* ею, эволюционируют, уточняются. Во-вторых, этот процесс развивается в публичной сфере — в институциональных рамках открытой *полемики* между разными фракциями интеллектуалов, что обеспечивает постоянную диагностику ситуации, возможность представить набор решений той или иной острой проблемы, обсудить "цену" каждого решения. Наконец, эти интеллектуальные группы постоянно ищут *общественной поддержки*, понимания, отклика в различных группах и слоях общества — именно такая поддержка дает им основание требовать оперативной коррекции принятого правительством курса в экономике, политике, культуре.

В России же "внутренними адресатами" интеллектуалов, экономически продвинутых групп, влиятельных поначалу массмедиа, лидеров общественного мнения традиционно выступали преимущественно высшие эшелоны власти или даже попросту конкретные персоны М.Горбачева, Б.Ельцина. При этом окол властными элитами, руководителями массмедиа экономический проект перемен рассматривался как главный и единственно важный (вульгарно-марксистский экономоцентризм, характерный для советских обществоведов и пропагандистов), но при этом вроде бы "чисто технический". В подобном качестве фактически не обсуждался ни он сам, ни, тем более, его политические, идеологические, культурные, региональные аспекты, выходы, проблемы. Он как бы

не подлежал изменениям, но должен был любыми средствами быть внедрен в сознание высших чиновников, а затем с опорой на их административные возможности (закрытую от общества "кухню", так называемый административный ресурс), как бы автоматически проведен в жизнь. Так или иначе реальных партнеров по взаимодействию, самостоятельных общественных субъектов ни российская власть, ни окол властные элиты, ни все более официальные массмедиа не видели и не искали. Они не считали своей задачей помогать их созданию и оформлению, как во многом перестали сколько-нибудь реально считаться и с лидерами зарубежных стран, мировым общественным мнением.

Так был фактически принят и "узаконен" привычный для российского и советского общества разрыв между массой и властью, элитой и населением, столицей и страной, страной и миром. При этом представители высшей власти, начиная с президента, все больше видели своими партнерами руководителей силовых ведомств, репрессивных структур — характерно и по-своему последовательно, что эти самые структуры, их представители на нынешний день и образуют высшую власть в России. Именно они поддерживают и развивают сегодня идеи особого пути России, риторику "национальных интересов" и "враждебного окружения", консервирующую сложившееся положение. Причем преобладающая часть российского населения этот процесс, насколько можно судить, одобряет.

Дальнейшее усиление ФСБ пойдет... (в % от числа опрошенных, 2003 г., N=1600 человек):

Вариант ответа	%
На пользу России	64
Во вред России	9
Затруднились ответить	27

Корпоративно-номенклатурная незаинтересованность мнением и поведением никаких других фигур и групп социума лишила ангажированных прежде российских интеллектуалов, политические партии (как "правые", так и "левые"), независимые ранее массмедиа последних остатков влиятельности в социуме, общественного авторитета, простого голоса. Результаты последних думских и президентских выборов, развитие "дела ЮКОСа", события в Беслане и как бы мотивированные ими последующие шаги президента к антиконституционному централизованному назначению губернаторов и антиконституционной же отмене голосования по мажоритарным спискам при выборах в Государственную Думу показали это с полной наглядностью.